

Андрей Золотов: «Слова меняют людей, а люди меняют мир»

В канун 75-летия Совинформбюро критик и журналист, член СЖМ Андрей Золотов рассуждает о роли журналиста и журналистики в современном мире. Предлагаем нашим читателям интервью с ветераном журналистики.

– Андрей Андреевич, в июне этого года – юбилей Совинформбюро. Что значит для Вас период работы в агентстве и эта дата?

– Юбилейная дата всегда знаменует твою причастность к чему-то, что вне тебя. Это возможность разделить даже не радость, а значение созданного. Позволяет задуматься еще раз о чем-то важном, кого-то вспомнить с благодарностью, кому-то воздать должное. Подумать о том, как на тебя повлияли эти люди, этот круг людей.

Если говорить о юбилее агентства, то перед глазами проходит замечательная галерея лиц, собрание людей очень талантливых. В агентстве всегда чувствовалось стремление многих журналистов к правде. Желание донести людям не искаженную, точную информацию. Написать материал хорошо, по возможности красиво, а главное – убедительно. Самое главное в журналистике, литературе, искусстве в целом – убедительность. Это высший критерий.

Для меня период работы в агентстве – незабываемое время. А мне есть с чем сравнить, я работал в газете «Известия» при легендарном главном редакторе Алексее Ивановиче Аджубее. Двадцать лет работал на телевидении в разных качествах.

Каждый коллектив имел свои достоинства, историю, но в агентстве печати «Новости», в РИА Новости, была всегда особая

интеллигентная атмосфера. Много работали на оперативность, старались совместить новостной и аналитический характер информации, а это было довольно редкое соединение. Это было мощно.

РИА Новости всегда сравнивали с ТАСС. Я помню, однажды Виталий Игнатенко, который был руководителем ТАСС, спросил, чем, по моему мнению, отличается ТАСС и РИА Новости. Я ответил, что ТАСС – это море, которое выбрасывает на берег все, что может выбросить прибой.

А РИА Новости – изысканная организация, где журналисты, прежде чем кого-то обрадовать, огорчить, огорошить, удивить, сами проделывают огромную работу и дают людям только то, что им, безусловно, надо знать. Они освобождают свою аудиторию от лишней работы.

Недавно агентство сменило название – теперь мы читаем новости «России сегодня». Хорошо, если удастся показать миру, как живет Россия сегодня. Та страна, которая помнит свою историю и озабочена мыслями о будущем. Так я понимаю это название. И дай Бог, чтобы агентство на своем новом этапе в это словосочетание вкладывало все больше выстраданного содержания.

В РИА Новости всегда ощущали боль и ответственность за происходящее, стремились по возможности тщательно разобраться в информации. А еще можно сказать – доверяли. Применительно к новости слово доверие может показаться неожиданным. Я новость сообщаю – а ты, как хочешь, живи с этой информацией. Или я тебе новость доверяю, уже пропустив через себя. И мы проживаем ее вместе.

Есть строки у Бориса Леонидовича Пастернака, посвященные замечательной актрисе МХАТа Анастасии Платоновне Зуевой. Они имеют к работе агентства прямое отношение:

Смягчается времен суровость,
Теряют новизну слова.

Талант – единственная новость,
Которая всегда нова.

Эта мысль Бориса Леонидовича: «талант – единственная новость, которая всегда нова» – замечательная. И я хочу сказать, что в агентстве всегда было очень много талантов. И это окружение, очень счастливое окружение. В такие периоды жизни кажется, что все вокруг талантливо.

– Как случилось, что Вы пришли работать в АПН?

– Я работал на Гостелерадио с 1966 года в разных качествах, в том числе был первым комментатором по искусству информационной программы «Время». Заставку для этой программы из музыки Свиридова «Время вперед» придумал я и очень этим изобретением горжусь.

В 1986 году я получил неожиданный звонок от выдающегося нашего современника Валентина Михайловича Фалина. В тот момент он был председателем правления АПН.

Он предложил мне должность политического обозревателя по вопросам культуры. Самым важным открытием того времени стал для меня Энвер Назимович Мамедов. Это грандиозная фигура, человек интереснейшей судьбы и личных качеств.

Период работы с Фалиным был незабываем. Он выдающийся редактор: правки, которые делал к моим текстам Фалин, изумляли. Я храню все его редактуры, они лежат в архиве. У него тончайшее ощущение слова, при этом его правки были не начальственным росчерком, а сотворчеством.

При Фалине одним из важнейших проектов стала подготовка к празднованию тысячелетия Крещения Руси. Валентин Михайлович был очень включен в этот процесс. Он был одним из инициаторов того, чтобы это событие отмечалось на государственном уровне. В то время это имело символическое значение, потому что государство говорило о том, что оно изменило свое отношение к Русской православной церкви.

В феврале 1990 года я был призван на государственную службу и стал заместителем министра культуры СССР. То, что заместителя министра нашли именно в АПН, говорило о многом.

У меня было огромное хозяйство: Большой театр, Малый театр, МХАТ, Библиотека имени Ленина, Академия художеств, Эрмитаж, Третьяковская галерея и многое другое. Культурное богатство страны, которое я должен был опекать.

Я проработал в должности замминистра с февраля 1990 года по февраль 1992 года. Министерство работало до февраля 1992 года по двум причинам: во-первых, нужно было передать дела уже российскому министерству, во-вторых, у лидеров СНГ была идея создать культурное ведомство, которое бы объединяло все страны союза и работало бы на базе уже существующей структуры. Идея воплощена в жизнь не была, потому что лидер Украины Леонид Кравчук потребовал, чтобы Украине вернули скифское золото. Я подготовил отрицательный ответ, который министр культуры поддержал. Там было ясно сказано, что передача невозможна. Кравчук отказался от создания единого ведомства, и Борис Ельцин тоже.

В феврале 1992 года министр культуры Николай Губенко собрал своих заместителей и спросил: «Разрешаете ли вы мне подписать незаконный приказ о вашем увольнении?».

Незаконный, потому что заместителей министра назначало правительство, оно и должно было их освободить. Но никакого правительства уже не было. Мы согласились и разошлись, как партизанский отряд. Вслед за нами были уволены все сотрудники министерства. Таким образом, до сих пор я не освобожден от должности заместителя министра культуры СССР.

На два года я вернулся в «Известия». И тут появляется вторая фигура, связанная с АПН, – Владимир Марков. Владимир Николаевич пригласил меня снова вернуться в агентство, и я вернулся. Я был назначен советником председателя и включен в состав правления агентства.

Владимир Николаевич был человеком очень непосредственным, живым, образованным, музыкально одаренным, очень интересующимся культурой и искусством.

Я об этом говорю не потому, что культура имеет большее значение, чем освещение других сторон жизни. Искусство – та сфера жизни, которая может помочь людям дышать. Потому мне кажется, что освещение и осмысление того, что происходит в культуре, важно. Не дурачим ли мы друг друга, не подсовываем ли мы нашей публике то, без чего она вполне может жить?

Следующий яркий период, который я наблюдал в жизни агентства, – это работа Светланы Миронюк. При ней агентство сделало очень серьезные шаги. В организации технологии работы с новостями и их осмыслением сопоставимы для меня периоды Фалина и Миронюк.

При Фалине в рамках АПН началось телевидение, активно работал культурный центр. При Светлане Васильевне агентство развилось в большую структуру. Хотелось бы, чтобы и при новых руководителях агентства традиции жили.

– В одном из интервью Вы говорите, что воспринимаете свою жизнь как служение.

– Жизнь я воспринимаю как служение, потому как никаких других целей я себе и не ставил. Всегда старался и стремился делать то, что нужно другим людям, обществу. Мой старший сын, Андрей Золотов, однажды сказал: «Ты не журналист, журналист – я. А ты пришел в профессию, чтобы использовать СМИ для распространения знаний».

– Какая задача стоит перед журналистом, который пишет о культуре?

– Он должен говорить о культуре по возможности серьезно, но в то же время не пугать читателя. Вообще есть такая опасность свести разговоры о культуре к пониманию и непониманию, к наличию профессионального образования или его отсутствию,

это все имеет значение, но не главное. Поэтому я не люблю выражение «понимать искусство». Лучше использовать слово «постигать».

– Искусство должно быть элитарным или все же общедоступным?

– Оно не должно быть общепонятным, но и не должно быть элитарным. Когда художник работает, если это хороший художник, настоящий, он не думает о том, кому его работа понравится, кому нет, будет ли она иметь большой успех или не очень. Все это выяснится потом. Но пока человек работает, он пишет для Бога и для всех.

Великий русский дирижер Евгений Александрович Мравинский сказал однажды: «Я, конечно, зал чувствую спиной, и хорошо, когда он полон, но играть надо для Господа Бога». К слову, его зал всегда был полон.

Мы сняли десять телевизионных фильмов с его участием. Снимать во время концертов было невероятно трудно, во время живого концерта мы сняли всего два фильма. Я стал думать, как снять выступление в пустом зале, и, когда Мравинский сказал эту фразу про игру для Бога, я предложил ему сниматься в зале без слушателей. Играть для Бога, а слушатели увидят концерт по телевизору. Зал, в котором играют для Бога, становится храмом.

– На Ваш взгляд, есть ли будущее у журналистики, какое оно? В чем заключается роль журналистики?

– Сейчас очень сложная пора для СМИ. Предсказать я не берусь, могу сказать только одно – профессия эта будет всегда нужна. А как будут журналисты пользоваться своим положением – вопрос. Говорят, что пресса – это четвертая власть, и журналисты начинают об этом говорить всерьез. Это же образ. Речь идет о моральной силе слова.

Журналистика может внушить уважение к культуре. А уважение к культуре повлечет за собой и уважение друг к другу.

Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» в 14-й главе «О театре, одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» предостерегает от одностороннего взгляда на мир: «Всё можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен. Но надобно смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую на нее сделали».

И о театре он говорит: «Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра». Журналистика в разных ее качествах и пластах, будь то критика или публицистика, новость, аналитика – это тоже такая кафедра, с которой можно сказать миру много добра.

Мы часто говорим об ответственности за слово, а есть еще и понятие вины. Вины не за то, что вы, например, нарушили закон. А вины там, где вы и не виноваты.

Эта же тема есть у Твардовского в «Василии Теркине», там есть такие строки:

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что – не знаю,
Только ты прости меня!..
Только чувствуя ответственность за свое слово, вину
за происходящее, можно быть журналистом. Служить.

– *Слова меняют мир?*

– Слова меняют людей, а люди меняют мир.

Андрей Андреевич Золотов – лауреат Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых, лауреат Премии правительства РФ в области культуры, лауреат Премии Москвы, лауреат Премии А.В. Луначарского, награжден

орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Почета, орденом Дружбы, орденом Русской православной церкви преподобного Сергия Радонежского, член Союза журналистов СССР, Союза композиторов СССР, Союза кинематографистов СССР, Союза художников РФ, Союза писателей РФ.

Андрей Андреевич близко знал Георгия Свиридова, Чингиза Айтматова и Ираклия Андроникова. Они дружили 40 лет.

Знал Дмитрия Шостаковича, Евгения Мравинского, Святослава Рихтера, Павла Корина, Дмитрия Желинского, Андрея Мильникова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Василия Белова... Когда Андрея Золотова попросили составить список людей, повлиявших на его жизнь, он дошел до ста.

Вера Костамо
*лауреат премии имени Юлиана Семенова в
области экстремальной геополитической*

журналистики